

Никола Марина Ивановна

"КНИГА МАДЖЕРИ" М. КЕМП КАК ПАМЯТНИК РАННЕЙ АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗЫ

Памятник средневековой английской прозы "Книга Маджери Кемп" (XV в.) рассматривается в статье в жанровом аспекте и характеризуется как духовная автобиография, повествующая о религиозных исканиях героини и пережитых ею актах богообщения. В жанровой природе книги отмечаются также черты жанров жития и видения. Наблюдения над гендерным аспектом повествования приводят к известному сближению книги Маджери Кемп "The Book of Margery" с "Revelations" Юлианы Нориджской. Однако на материале образа героини и характеристики стиля повествования подчеркивается своеобразие памятника в контексте английской мистической прозы рассматриваемого периода. Статья представляет собой начало изучения памятника в отечественной медиевистике в значимых аспектах его рассмотрения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 3. С. 23-27. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

8. Пелевин В. Generation «П». М.: АСТ, 2015. 352 с.
9. Полонский А. В. Современный медиадискурс: ключевые идеи и слова // Русский язык в современном медиапространстве: сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Полонский. Белгород, 2009. С. 151-160.
10. Солдаткина Я. В. Медийные свойства русской литературы XX-XXI веков: в поисках нового художественного языка // Медийные процессы в современном гуманитарном пространстве: подходы к изучению, эволюция, перспективы: материалы научно-практической конференции / под ред. Я. В. Солдаткиной. М.: МПГУ, 2015. С. 28-37.
11. Солдаткина Я. В. Понятие «медиаасловесность» и актуальные процессы в современной культуре // Преподаватель XXI век. 2017. № 2-2. С. 356-368.
12. Стогов И. Эра супергероев. История мира в 5 журналах и 3 комиксах. М.: Астрель; АСТ, 2010. 256 с.
13. Тошович Б. Интернет как стилистическое пространство // Актуальные проблемы стилистики. 2015. № 1. С. 27-35.
14. Шатин Ю. В. Медиатекст vs художественный текст: семиотическое пограничье // Вестник Новосибирского государственного университета. 2014. Т. 13. Вып. 6. Журналистика. С. 81-85.

**MEDIA SPACE IN LITERATURE AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES
AS AN ARTISTIC FORM OF THE INTERACTION BETWEEN THE AUTHOR AND THE READER**

Lyulikova Anna Viktorovna, Ph. D. in Philology

*Humanities and Education Science (Branch) Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Yalta
lulav06@mail.ru*

The article considers media space as an important component of the artistic world of modern prose. On the basis of the intentional analysis and the hermeneutical approach the author identifies connotations of media space, caused by the reader's reception of the individual author's media model. The analysis of works of art at the turn of the XX-XXI centuries taking into account the main tendencies in the development of modern media culture enabled to reveal that the media space is determined by the set of associative meanings of media reality image that is generated by the reader's consciousness.

Key words and phrases: media space; reader; media; literature; media reality.

УДК 809

Памятник средневековой английской прозы «Книга Маджери Кемп» (XV в.) рассматривается в статье в жанровом аспекте и характеризуется как духовная автобиография, повествующая о религиозных исканиях героини и пережитых ею актах богообщения. В жанровой природе книги отмечаются также черты жанров жития и видения. Наблюдения над гендерным аспектом повествования приводят к известному сближению книги Маджери Кемп “The Book of Margery” с “Revelations” Юлианы Нориджской. Однако на материале образа героини и характеристики стиля повествования подчеркивается своеобразие памятника в контексте английской мистической прозы рассматриваемого периода. Статья представляет собой начало изучения памятника в отечественной медиевистике в значимых аспектах его рассмотрения.

Ключевые слова и фразы: Маджери Кемп; Юлиана Нориджская; мистическая проза; духовная автобиография; житие; видение.

Никола Марина Ивановна, д. филол. н., профессор

*Московский педагогический государственный университет
nikola7352@mail.ru*

«КНИГА МАДЖЕРИ» М. КЕМП КАК ПАМЯТНИК РАННЕЙ АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗЫ

В английской истории период XIV – начала XV в. рассматривается как важный этап культурного развития, связанный со становлением английского языка, английской поэзии и прозы. Что касается прозаической традиции, то важную роль в ее формировании сыграла группа авторов, представляющих так называемую мистическую прозу. Круг английских мистиков указанного периода составляют Ричард Ролль из Гемпола (*Richard Rolle of Hampole*, 1300?-1349), Вальтер Хилтон (*Walter Hilton*, ?-1395), неизвестный автор сочинения «Облако неведомого» (“*The Cloud of Unknowing*”, 1370?), Юлиана из Нориджа (*Julian of Norwich*, 1343-1429?) и Маджери Кемп из Линна (*Margery Kemp*, 1373-1438?). Имена эти малоизвестны в отечественной англистике, сочинения этих авторов не изучались специально нашими медиевистами. Из произведений названных мистиков на русский язык переведена только книга Юлианы Нориджской. Недостаточно изучены названные авторы и в Англии, хотя тексты их и привлекают все большее внимание. Между тем английские мистики интересны тем, что в своих визионерских сочинениях они своеобразным путем передали искания своего времени, тяготение к новым формам жизни, новым верованиям и убеждениям. Все упомянутые авторы представляют себя визионерами, которые в своих сочинениях стремятся передать индивидуальный опыт «богообщения».

В то же время книга, созданная Маджери Кемп из Линна, заметно отличается от сочинений других мистиков. Наряду с повествованием о томлении духа, исканиях и обретениях духовного характера, книга включает богатый материал мирской жизни, дающий возможность представить судьбу незаурядной женщины,

живущей в эпоху позднего Средневековья. Автор книги, соответственно и главная ее героиня, обладает яркой индивидуальностью, жизненной энергией. В отличие от других мистиков, склонных к уединенной жизни, она жаждет также и деятельного приложения своих сил вовне, причем пробует себя сначала в мирской сфере, в различных видах хозяйственной деятельности, затем избирает для себя сферу жизни духовной. Но и здесь, в отличие от своей старшей современницы, Юлианы из Нориджа, Маджери не придерживается отшельнического образа жизни, а проявляет большую склонность к паломничествам к святым местам.

Для женщины ее времени кажется невероятным увидеть столько святых мест в Англии и чужих землях. У себя на родине Маджери добралась до Лондона, Нориджа, Линкольна, а также Лейчестера и Кентербери. В континентальной Европе она пересекла Германию от Данцига до Аахена и Штральзунда. Маджери также посетила итальянские города: Рим, Болонью, Венецию, Ассизи. И, наконец, она, преодолев многие испытания, открыла для себя прославленные святые Сантьяго де Компостела и Иерусалима. В настоящее время литературоведы склонны рассматривать «Книгу Маджери» (“The Book of Margery”) не просто как образец сочинения мистически настроенного автора, но как опыт первой автобиографии в английской литературе и даже как одну из эмбриональных форм романа с характерной английской темой «дороги».

Однако, характеризуя жанровую природу книги, важно подчеркнуть, что перед нами «духовная автобиография», книга, прежде всего, о богоискательстве и богообщении. В повествовании о себе героиня будет излагать преимущественно то, что, с ее точки зрения, было важно на пути ее стремления к святости. Например, мы узнаем, что у Маджери было 14 детей. Но на детях и своем материнстве она не будет останавливаться, разве что будет упоминать детей в молитвах да, кроме того, сообщит, что старший сын одно время помогал ей в составлении ее книги. Сама героиня предупреждает читателя, чтобы он не ожидал в книге должного порядка. Ход повествования героине (“creature”, как она себя называет) подсказывает память: “...not wreten on ordyr, euery thing aftyr other as it wer don, but lych as the mater cam to the creatur in mend” [16, p. 44]. / «...написано не по порядку, одно за другим, как это было, но как это приходило ей на память» (здесь и далее перевод автора статьи. – М. Н.).

Вместе с тем жанровая природа книги синтетична, и она примечательна включением элементов других жанровых образований. Например, видений, в которых героиня представляет себя участницей ряда библейских сцен и событий прошлого, или когда она будет описывать свое общение с библейскими персонажами, прежде всего, с Христом и Богоматерью. В «Книге Маджери» также заметно ощущается проявление жанра жития. Так, героиня, говоря о себе в третьем лице, повествует о своем происхождении, первоначальной грешной жизни, а затем пережитом обращении, преследованиях, которые она встретила на своем пути, знамениях и совершенных чудесах, и все это заставляет вспомнить житийную структуру истории героя с той лишь разницей, что перед нами своего рода «автомиф». Книга создавалась под диктовку самой Маджери. Она представляет себя неграмотной и сообщает, что первоначально под ее диктовку писал старший сын, но его работа Маджери не вполне удовлетворила, затем писец, который также плохо справлялся с работой: “He coud lytyl skylly peson, for it was neithyr good Englysch ne Dewch, ne the letter was not schapyunne formud as other letter be...” [Ibidem, p. 17]. / «Он был мало искусен в письме, не владел хорошо ни английским, ни немецким, запись не была оформлена, как должно...». Но упорная Маджери нашла подходящего профессионального писца. О стремлении Маджери придать своей жизни сакральное значение свидетельствует уже выбор названия произведения, заставляющий вспомнить библейские тексты («Книга Иова» и др.) и некоторые прославленные сочинения духовного характера («Книга св. Бригиты» и др.).

Надо заметить, что жизнь Маджери, в отличие от ее старшей современницы-визионерки Юлианы, складывалась более драматично, признание современников давалось ей нелегко. Юлиану уже при жизни называли святой. Ее «Откровения Божественной Любви» (“Revelations of Devine Love”) приобрели известность, и общение с Юлианой почиталось честью и благом, в то время как Маджери при жизни было суждено познать и хулу, и преследование. Однако Маджери была исполнена страстной веры в свое особое предназначение, исключительную любовь к ней Бога. “God Iouy the e specyaly... u art a synguler loue in Hevyn...” [Ibidem, p. 11]. / «Бог любит ее особой любовью и сделает единственной возлюбленной на небесах».

Отмечая различие между двумя английскими женщинами-мистичками, Маджери и Юлианой, важно подчеркнуть и то, что их роднит и одновременно отделяет от других писателей-мистиков современной им эпохи. Это гендерные проявления. У Маджери, как и у Юлианы, с неизбежностью обнаруживает себя специфика женского творчества. Обе женщины стали авторами сочинений мистического характера после того, как в этом жанре выступили мужчины: Р. Роль, В. Хилтон и др. Названные авторы, создавая английскую мистическую традицию, ориентировались на Псевдо-Дионисия Ареопагита (VI в.?) и заметно перегружали свои сочинения рассуждениями и комментариями на философские и экзегетические темы. В своих сочинениях они рассуждали о преимуществах уединенной и созерцательной жизни, происках дьявола в борьбе за человеческую душу, значимости веры и покаяния, возможных этапах душевного совершенства, доступных формах богопознания и т.д. В известной мере эту склонность к философским и теологическим рассуждениям унаследовала Юлиана. У Маджери же она почти не проявляется. Обеих женщин сближает то, что в содержании материала, общей тональности произведения (повышенной эмоциональности), в характере образности (преобладание визуальных, чувственных образов) обнаруживает себя проявление специфики женского творчества. Причем у Маджери эта специфика явлена с большей силой и очевидностью, особенно в сценах богообщения, о чем будет сказано позднее.

Заметим, что Юлиана из Нориджа вступила на путь словесного творчества раньше Маджери, причем Маджери знала и о книге “Revelations”, и о подвижнической жизни отшельницы, почитала Юлиану за образец,

ездил к ней, чтобы увидеться, побеседовать на религиозно-мистические темы. Своей образованностью Юлиана заметно превосходила Маджери, что та и не скрывает. Если “Revelations” представляет собой своеобразный цикл «видений», перемежающихся комментариями к ним, и тяготеет в итоге к трактату, особенно в своем втором, расширенном варианте, то «Книга Маджери» отмечена усилением нарративности.

Из повествования, которое Маджери ведет на склоне лет (ей, по собственному признанию, около 60 лет), вырастает история героини, отличающаяся известным лаконизмом и в то же время динамикой. Мы следим за тем, как героиня вносит в свою жизнь перемены: в статусе, в роде деятельности, в месте пребывания и т.д. Мы узнаем, что она – дочь уважаемого, авторитетного в Линне человека. В двадцатилетнем возрасте Маджери выходит замуж за состоятельного горожанина Джона Кемпа. У них рождается 14 детей. Вначале хозяйственная, деловая жизнь мужа устраивала Маджери, но затем его дела пошли хуже, и Маджери решила взять дело в свои руки. Она пробовала хозяйничать на мельнице, в пивоварне, но очевидно, что как семейная, так и деловая жизнь не принесли Маджери удовлетворения, и она предпринимает инициативу участия в паломничествах, причем вначале увлекает на эту стезю и мужа. Но брачные отношения на пути к духовной деятельности, которую она возжаждала после пережитых видений, героиня считает помехой и начинает ближе к сорока годам уговаривать мужа принять из рук священника целибат, как правило, идет навстречу ее желаниям, на этот раз сопротивляется, но в конце концов соглашается с целибатом, и многие годы, пока на склоне лет мужа не свалил удар, супруги жили раздельно. Только в связи с ухудшением его состояния Маджери вернется в дом и будет преданно ухаживать за мужем до самой его смерти. Тем не менее репутация Маджери как жены и хозяйки была в городе сомнительной. Ее поведение и образ жизни были далеки от бюргерской традиции, но героиню это не смущало, и она решительно отстаивала право не ограничивать свою жизнь сферой семьи и дома.

В повествовании Маджери впечатляет также ее откровенный рассказ о попытке найти удовлетворение во внебрачной связи, которая случилась у нее во время одного из паломничеств. Однако взаимный интерес и близость с избранником закончились неожиданным для героини разрывом, инициатива к которому последовала со стороны мужчины. Пережитые разочарования делают понятным все возрастающее устремление героини жить в мире веры и стремиться исключительно к званию «христовой невесты»: “Jesuse is hur Love...” [Ibidem, p. 179]. / «Иисус – ее любовь...».

Свой статус богоизбранности Маджери подчеркивает ношением особого кольца и пристрастием к ношению белых одежд. В 35-й главе книги она рассказывает о заключении союза между нею и Господом, которое происходило 9 ноября 1414 года в Риме, в Церкви Святых Апостолов. В этот день, как утверждает Маджери, она получила брачное кольцо из рук самого Иисуса в присутствии Бога-Отца, Богоматери и др. святых. Перипетии, происходящие с кольцом (его похищение, поиски), объясняются происками дьявольских сил, но мольбы героини, поддержанные Божественной волей, рассеивают дьявольские козни.

Свидетельством особой избранности представляет героиня в своей книге также особые присущие ей приступы слез и громких рыданий. Впервые такой приступ настиг ее в Святой земле, когда она поднялась на Голгофу. Впоследствии эти приступы настигали ее неожиданно, пугая окружающих, нередко усматривающих в таком приступе воплей и рыданий проявление бесовских сил. Эти приступы, как и ношение белых одежд, вызывало особую неприязнь окружающих. Для героини это нередко заканчивалось не только изгнанием из храма, но также арестом и допросами служителей клира.

Однако Бог, как излагает Маджери, хранил ее и даже наказывал ее преследователей. Так, монах-фрайар, настраивавший против нее горожан, был наказан тем, что его охватил подобный же приступ, и эти приступы у него не прекращались, пока он не оставил Маджери в покое и публично не отказался от своих обвинений. Но были в судьбе героини и более опасные моменты, например, когда в 1417 году она была подвергнута официальному «освидетельствованию», которое проводил сам архиепископ Аранделл. Маджери, однако, удалось своими ответами и тем, как твердо она держалась, отстоять себя перед лицом авторитетной комиссии и расположить архиепископа к себе. Ряд ответов, приводимых Маджери, примечателен тем, что они обнаруживают, что героиня книги отнюдь не была невежественной в религиозных вопросах и религиозной литературе, так что указание героини на свою «неграмотность» могло быть также проявлением традиции «умаления», которая отличала женщин-мистичек как в Англии, так и на континенте.

Показательно, что в переживаемых преследованиях и вызванных ими страданиях героиня усматривала путь сближения с Богом, залог возрастания Его Божественной любви и милости: “...sche suffered any dysese for e lofe of God and for e grace at God wrowht in hur” [Ibidem, p. 27]. / «...она страдала от оскорблений во имя любви Бога и его милости, ее поддерживающей». Однако, наряду с врагами, Маджери упоминает также своих друзей и сторонников. Многих из них героине обеспечили совершенные ею чудеса, которые она представляет как свидетельство «божьего дара». Эти чудеса имели разный масштаб и резонанс, но всегда прибавляли доверия к героине, веры в ее исключительность. Так, в январе 1421 года разразился в родном городе героини, Линне, большой пожар. Духовник Маджери, Уильям Саутфильд, стал умолять ее о помощи, так как верил в святость Маджери, и та в ответ отчаянно молилась в местном храме св. Маргариты, прося Бога о помощи, пока, наконец, не спустилась снежная буря, погасившая огонь. Или, к примеру, описанный Маджери случай, когда она пришла на помощь горожанину, у которого после родов заболела жена. Она увидела этого человека плачущим в храме. По словам несчастного, жена после родов вела себя как безумная, и с ней не было никакого сладу. Маджери начала навещать роженицу, и та постепенно стала проявлять признаки выздоровления. Маджери же не прекращала своих визитов, пока не добилась полного выздоровления

женщины. Случай этот, конечно же, добавил расположения к героине и веры в ее особые силы. Но бывали случаи, «чуждость» которых поражала саму Маджери. Находясь в Риме, она посещала церковь св. Иоанна, священник которой произвел на нее большое впечатление. Она мечтала побеседовать с ним на благочестивые темы и исповедоваться, но мешал языковой барьер. Маджери горячо молилась Господу и через тринадцать дней, прошедших в горячих молитвах, священник стал понимать ее, принял от нее исповедь, отпустил грехи, разделил веру в особое божье благоволение к ней.

Описания пережитых героиней видений представляются современному читателю менее яркими эпизодами книги. Однако они интересны тем, как в них проявляется индивидуальная женская природа героини: ее пылкость, решительность, инициативность. И, конечно, ее опыт. Так, перед мысленным взором героини предстают библейские сцены, и она видит себя их участником. Но никогда не пассивным. В сцене рождения маленького Иисуса она сосредоточена в том числе на заботе о роженице, поскольку знает по собственному опыту, какой уход нужен не только за младенцем, но и за только что родившей матерью. Сцена бегства в Египет побуждает ее помочь семье в сборе в дальнюю дорогу, поскольку многочисленные поездки дали ей богатый полезный опыт. В сцене Распятия, охваченная скорбью, она тем не менее поддерживает обессиленную от страдания Богоматерь. С ней у Маджери складываются особые отношения. Маджери представляет себя ее помощницей, наперсницей, и Богоматерь, в свою очередь, благоволит к Маджери, в трудных ситуациях приходя героине на помощь как действием, так и утешением.

Выказывая почитание всей Святой Троице, Маджери, как уже отмечалось, выделяет свои особые отношения с Иисусом Христом. В видениях, представляющих сцены богообщения, Маджери описывает его неким подобием рыцаря в пурпурной мантии, с сияющим лицом и ласковым взором, исполненным любви. Ее ответные страстные призывы исполнены несомненного эротизма, хотя она и настаивает на том, что Бог говорит с ее «душой»: «Take Me in the arms of the soul and kiss My mouth, My head, and My feet, as sweetly as thou wilt» [Ibidem, p. 41]. / «Обними меня руками души, поцелуй мой рот и мои ноги так сладко, как ты хочешь». Весь свой жизненный путь героиня сознает как предначертанный свыше путь Божьей избранницы. В желании написать книгу о себе она усматривает возможность умножить Славу Господа и укрепить веру в его силу и милость.

Маджери нередко сравнивают с Батской ткачихой из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера. Действительно, обе героини близки присущей им энергией, решительностью в своем жизнеустройстве, тягой к паломническим дорогам. Но Батская ткачиха, по замыслу Чосера, – воплощение жизнелюбия и жажды мирских женских радостей. Она хоть и участвует в паломничестве, но более всего хочет развеять скуку и одиночество и, быть может, встретить нового мужа. Ее внутренний мир достаточно прост и целен, в отличие от Маджери, переживающей на протяжении жизни путь исканий, связанный с искушениями, но приводящий в итоге к духовному росту, обогащению знаний и интросексов, в том числе книжных. В своей книге Маджери признается в неоскудевающей на протяжении жизни любознательности, в том, что специально занималась чтением, чтобы открыть новое знание, в том, что всегда переживала радость при встрече с интересными, сведущими в духовных вопросах собеседниками. Хотя, безусловно, прежде всего, ее интерес простирается в сферу теологического знания. Неслучайно свой жизненный итог героиня сознает как устремленность любить и прославлять Бога, привлекать к нему души людей, в том числе своей книгой.

Рассмотрение «Книги Маджери» позволяет очевиднее ощутить художественную перспективу, заданную мистической прозой. В этом произведении явственно видно как внедрение мирского материала и его постепенное разрастание, так и усиление в тексте индивидуального, автобиографического начала. Общим этим тенденциям было суждено существенно обогатить литературный процесс в Англии. Кроме того, именно в книгах Юлианы из Норвича и Маджери Кемп берет начало женская повествовательная традиция, разнообразие и богатство которой так отличает английскую литературу.

Список источников

1. Дресвина Ю. Женское богословие в позднесредневековой Англии и его частный случай «Книга Марджери Кемп». Часть вторая // Средние века. М.: Наука, 2007. Вып. 68 (3). С. 119-138.
2. Дресвина Ю. Откровения Божественной Любви Юлианы Нориджской // Нориджская Ю. Откровения Божественной Любви / пер. Ю. Дресвиной. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. С. 19-61.
3. История женщин на Западе: в 5-ти т. СПб.: Алетейя, 2009. Т. 2. Молчание Средних веков. 508 с.
4. Никола М. И. «Откровения Божественной Любви» Юлианы Нориджской как памятник английской духовной литературы XIV века // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 23-28.
5. Нориджская Ю. Откровения Божественной Любви / пер. Ю. Дресвиной. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. 560 с.
6. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. И. Кашкина, О. Румера, Т. Поповой. М.: Грантъ, 1996. 832 с.
7. Atkinson C. W. Mystic and Pilgrim: the Book and the World of Margery Kempe. Ithaca: Cornell UP, 1983. 403 p.
8. Bennett J. W. Middle English Literature. Oxford: Clarendon Press, 1990. 496 p.
9. Gardiner F. C. The Pilgrimage of Desire. A Study of Theme and Genre in Medieval Literature. Leiden: E. J. Brill, 1971. 161 p.
10. Goodman A. Margery Kempe and Her World. L. – N. Y.: Longman, 2002. 411 p.
11. Hodgson Ph. Three 14th-Century English Mystics. L.: Royal Holloway, 1966. 247 p.
12. Knowles M. D. The English Mystical Tradition. L.: Longman, 1961. 38 p.
13. Medieval Women's Visionary Literature / ed. by E. A. Petroff. Oxford University Press, 1986. 402 p.
14. Staley L. Margery Kempe's Dissenting Fictions. Pennsylvania State University Park, 1994. 334 p.
15. Stone R. Middle English Prose Style. L.: Mouton, 1970. 156 p.
16. The Book of Margery Kempe / ed. by S. B. Meech and H. E. Allen. L.: Early English Text Society, 1940. 332 p.
17. Tuma C. W. The 14th-Century Mystics: A Comparative Analysis. Michigan: Bently Historical Library, 1977. 347 p.

“THE BOOK OF MARGERY” BY M. KEMPE AS A MONUMENT OF EARLY ENGLISH PROSE

Nikola Marina Ivanovna, Doctor in Philology, Professor
Moscow State University of Education
nikola7352@mail.ru

The monument of the medieval English prose “The Book of Margery Kempe” (the XV century) is examined in the genre aspect and is characterized as a spiritual autobiography describing heroine’s religious searching and her experience of Communion. Considering genre nature of the book, the researcher identifies the features of hagiography and vision. Analyzing the gender aspect of narration the researcher discovers a certain similarity between “The Book of Margery Kempe” and “Revelations” by Julian of Norwich. At the same time the author emphasizes the originality of the monument in the context of the English mystical prose of the mentioned period. The paper is the first attempt to study the monument in its meaningful aspects in the domestic medieval studies.

Key words and phrases: Margery Kempe; Julian of Norwich; mystical prose; spiritual autobiography; hagiography; vision.

УДК 8; 821.161.1

В статье рассматривается «поэтологический» конфликт в лирике Марины Цветаевой. Анализ циклов «Сивилла», «Стихи к Пушкину», «Маяковскому» позволяет говорить о том, что данный конфликт соотносится практически со всеми миромоделирующими оппозициями, например «статика и динамика», «бытие и бытия». Поэтический дар лирического героя или героини становится роковым для его носителя, поскольку связывается с божественным началом. Автор доказывает, что «поэтологический» конфликт оказывается семантическим центром экзистенциальной проблематики в творчестве М. Цветаевой.

Ключевые слова и фразы: М. Цветаева; поэт; конфликт; оппозиция; поэтический дар; мотив; лирическая героиня.

Павлова Татьяна Леонидовна, к. филол. н.
Технический институт (филиал)
Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, г. Нерюнгри
pavlova-sizykh@yandex.ru

«ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЙ» КОНФЛИКТ В ЛИРИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В художественном мире Цветаевой поэтическое призвание всегда маркируется как отклонение от нормального порядка вещей. Поэт для Марины Цветаевой – это человек, который не укоренен в социальном миропорядке, он всегда находится в погранично-экзистенциальном положении. Сакральность поэтического дара и богоподобность его носителя вполне закономерно приводят к тому, что возникает конфликт поэта и мира.

Наделение лирического героя/героини поэтическим даром имплицитно предполагает появление экзистенциального конфликта с действительностью, которая в этом случае воплощается в образе «многих», в то время как сам герой или героиня предстают как *единственные в своем роде*. Этот семантический комплекс реализуется в стихотворении «Не для лстивых этих риз, лживых ряс...». Здесь наряду с тем, что данный конфликт выражается совершенно прямо, обращает также на себя внимание семантика «кривости», которая как бы «разлита» по стихотворению. С. М. Толстая отмечает, что в славянском языковом сознании эта семантика связывается с неправильностью, что еще раз подчеркивает противопоставленность носителя поэтического дара толпе [5, с. 275-290].

Наиболее остро и ярко конфликт, связанный с темой поэта и поэзии, воплощается Цветаевой в цикле «Сивилла» [3]. В первом стихотворении этого цикла данный конфликт связывается с оппозициями «*божественное – человеческое*», «*духовное – материальное*», «*смерть – жизнь*». Все эти поистине универсальные оппозиции формируют лирический конфликт первого стихотворения, при этом данный конфликт становится основной его лирического сюжета. Лирический сюжет стихотворения можно описать следующим образом: внутреннее губительное опустошение лирической героини, которая, лишаясь человеческого измерения, становится носителем голоса бога, стихии поэзии и вдохновения. Сам же конфликт соотносится с тем, что героиня выпадает из обиденного миропорядка, теряет свою человеческую сущность:

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.

Все птицы вымерли, но Бог вошел.

<...>

Сивилла: выбыла, сивилла: зев

Доли и гибели! – Древо меж дев.

<...>

Бренная девственность, пещерой став

Дивному голосу...

– так в звездный вихрь

Сивилла: выбывшая из живых [6, с. 136].